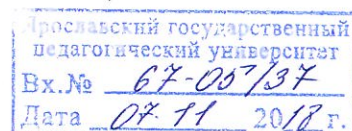

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Федотовой Анны Александровны «Рецептивные стратегии в прозе
Н.С. Лескова», представленную на соискание ученой степени доктора филологиче-
ских наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.**

Научное значение диссертации А.А. Федотовой определяется, прежде всего, двумя факторами: обращением к малоисследованным текстам Н.С. Лескова, в том числе, архивным материалам, и методологией работы, органично соединившей в себе принципы рецептивной эстетики и теории коммуникации. Этот научный синтез, безусловно, свидетельствует о **новизне** диссертационного исследования А.А. Федотовой. Изучением творчества Лескова, как и любого классика литературы 19 века, историки литературы занимаются если не постоянно, то с известной периодичностью, законы которой определить сложно, но не учитывать нельзя. Актуализация интереса к Лескову, наметившаяся в конце 20-го и первых двух десятилетиях 21 века оказалась практически неизбежной в силу кардинальной смены мировоззренческой парадигмы русской литературы, «освобождению от догм» (пользуюсь названием известного научного труда), в том числе, в отношении Н.С. Лескова. Кроме того, новые возможности для исследования творчества писателя появились в связи с публикацией многих ранее не изданных его текстов и выходом 30-томного издания сочинений Лескова, в подготовке которого (комментарии) А.А. Федотова принимала участие. Автор диссертации в полной мере использует эти открывшиеся научные возможности, что делает ее работу особенно **актуальной**.

Исследуя творчество Лескова разных периодов, А. А. Федотова обращается как к его художественным произведениям, так и публицистическим или литературно – критическим, выявляя существующие между ними разнообразные творческие связи. Другой уровень связей, рассмотренных в диссертации, – рецепция в прозе Лескова личности и творческой деятельности писателей-современников. В диссертации **впервые проводится** комплексное рассмотрение особенностей лесковской рецепции поздней публицистики А. И. Герцена, литературного наследия и религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого, а также произведений ряда русских и зарубежных писателей, «чужое слово» которых становится у Лескова «своим», одновременно сохраняя связь с источником. В ряду этих «чужих слов» оказываются и собственные тексты писателя, создавая эффект автоцитирования. Исследование лесковских текстов постоянно осуществляется через призму его стиля, прежде всего, с точки зрения нарратологии. Таким образом, в диссертации А.А. Федотовой возникает методологический синтез рецептивного, нарратологического, а также коммуникативного подхода, направленного на изучение фигуры читателя, где в каче-

стве читателя рассматривается сам Лесков и реципиент его произведений. Все это, несомненно, свидетельствует о **теоретической новизне и значимости** представленной к защите диссертации.

Глава «Творчество А.И. Герцена в рецепции Лескова» последовательно реализует авторские методологические стратегии, рассмотренные в теоретическом разделе диссертации. Содержание этой главы несколько шире ее названия, ибо здесь речь идет не только о восприятии Лесковым текстов Герцена, но и личности их автора, о чем свидетельствует название второго параграфа – «Интерпретация образа Герцена в прозе Лескова...». А.А. Федотова находит точное понятие для обозначения предмета исследования – «герценовский текст», характерное для семиотического исследования. Думаю, следовало оговорить этот подход и использовать его возможности при анализе материала.

Основным предметом изучения в первом параграфе этой главы становится публицистика Лескова. А.А. Федотова изучила материал газетных и журнальных статей, который до сих пор практически не был введен в научный оборот. Рассматривая публицистику Лескова, она обращается к широкому журнальному контексту, прежде всего, статьям М.Н. Каткова, его выступлениям против Герцена. Это усложняет и одновременно обогащает сам предмет анализа, ибо А.А. Федотовой приходится разбираться в перипетиях журнальной полемики, где голос Лескова должен быть услышан, понят в диалоге с другими авторами.

Главный пафос публицистики Лескова, как убедительно показывает А.А. Федотова, – это полемика с Герценом. В работе детально рассматривается содержание и приемы ведения этой полемики (особое внимание при этом уделено повествовательным инстанциям), а также причины этой полемики. Как показывает автор диссертации, это уверенность Лескова в непонимании «лондонским» публицистом специфики русского народа и реалий русской действительности, которые делают если не невозможной, то бесперспективной революцию в России; а также пагубные последствия герценовской пропаганды для демократически или, скорее, нигилистически настроенной молодежи.

Признавая справедливыми и убедительными эти авторские наблюдения и выводы, возможно, стоило оговорить сочувствие Лескова к личности Герцена и даже увлеченность им, которые он испытал в молодости. Лесков пишет об этом в начале очерка «Искандер и ходящие о нем толки»: «Я с ранней юности, как большинство людей всего нашего поколения, был жарчайшим поклонником таланта этого человека, который и доныне мне представляется и человеком глубоких симпатий, и человеком крупных дарова-

ний». В период своей поездки за границу писатель даже собирался встретиться с Герценом, но позднее планы его изменились. Эта неоднозначность восприятия лондонского публициста сохраняется у Лескова и в дальнейшем – о чем свидетельствует роман «Некуда», к выборочному анализу которого А.А. Федотова обращается вслед за рассмотрением публицистики писателя. Важно, что она подчеркивает иное отношение Лескова к Герцену (точнее, литературному персонажу, прототипом которого является Герцен), чем в статьях о нем. Это «романтизация» и изображение «положительных сторон его личности».

Герцен как личность и как общественный деятель рассматривается автором диссертации на материале очерка «Загадочный человек», посвященного Артуру Бенни. Особая литературная природа этого очерка: соединение в нем документального и художественного начал – позволяет А.А. Федотовой объяснять возможность сосуществования иронических оценок Герцена автором очерка и одновременно сочувствие ему, понимание трагичности его исторической судьбы. Обращает на себя внимание оригинальное авторское наблюдение, касающееся определенных переключек образа Артура Бенни и образа Герцена. В качестве едва ли не главного аргумента, свидетельствующего о двойственности отношения Лескова к Герцену, А.А. Федотова приводит влияние стиля Герцена на публицистику Лескова. Забегая вперед, отмечу, что подобный аргумент будет присутствовать и в толстовской главе. Признавая сам факт такого влияния, тем не менее, скажу о том, что его роль, с моей точки зрения, несколько переоценивается автором диссертации.

Третья глава работы посвящена рецепции Лесковым исторических, документальных источников. Эта глава вновь свидетельствует о новизне как авторского подхода, так и материала, с которым работает А.А. Федотова. Она изучает не художественную прозу Лескова на историческую тему, не раз становившуюся предметом научного исследования, а его очерки: «Иродова работа» и «Русские деятели в остзейском крае». Автор диссертации в строгом соответствии с темой рассматривает приемы работы Лескова с текстами – источниками (в том числе, его собственными), выявляя и детально анализируя рецептивные стратегии писателя. Опорным теоретическим понятием здесь является понятие исторического нарратива, позволяющее автору показать трансформацию исторического документа в документально - художественный. А.А. Федотова рассматривает и коммуникативные стратегии писателя, показывая используемые им приемы активизации читательского внимания.

Проблема рецепции толстовского текста в творчестве Лескова (четвертая глава диссертации) имеет, как убедительно показывает А.А. Федотова, особое значение, ибо в

ней идет речь о писателе, с которым Лесков был лично знаком, с которым его связывали дружеские отношения, и главное - писателе, которого Лесков чрезвычайно ценил и в каком-то смысле признавал учителем. Из писем и дневников Л.Н. Толстого становится ясно, что и он в свою очередь следил за творчеством Лескова, особенно позднего периода, и оценивал его произведения достаточно высоко, хотя и высказывал отдельные частные замечания. Степень доверия его Лескову подтверждается тем обстоятельством, что Толстой мог делиться с Лесковым сомнениями по поводу своих религиозных, этических идей. Приведу небольшой фрагмент его письма: «Дорогой Николай Семенович, боюсь, что работа, за которую я взялся и о которой вы пишете, мне не по силам. До сих пор, несмотря на упорное занятие, я очень мало подвинулся. Я думаю, что я захотел слишком многого: изложить в краткой, ясной, неоспоримой и неспорной и доступной самому неученому человеку форме - истину христианского мировоззрения - замысел слишком гордый, безумный».

А.А. Федотова рассматривает целый спектр откликов Лескова на творчество Толстого, выявляя разного рода связи и взаимоотношения с ним писателя. Вся логика ее работы свидетельствует о том, что эти связи куда сложнее и интереснее, чем тот вопрос, который задавали уже современники: подражал ли Лесков Толстому? На этот вопрос, кстати, ответил сам Толстой: «Его привязанность ко мне была трогательна и выражалась она во всем, что до меня касалось. Но когда говорят, что Лесков слепой мой последователь, то это неверно: он последователь, но не слепой... Лесков мой последователь, но не из подражания». Изучая разнообразные виды рецепции «толстовского текста» у Лескова, А.А. Федотова обращается к анализу не только художественных, публицистических произведений Толстого, его религиозных трактатов, но также самой личности Толстого, «философии» его поступка, говоря словами М.М. Бахтина. Подобный ход мысли мы наблюдали и в главе о Герцене.

В каждом параграфе этой главы присутствует (преимущественно в начале) обращение к критическим статьям Лескова о Толстом, которые в свернутом виде содержат проблему, в дальнейшем рассматриваемую А.А. Федотовой уже в художественных произведениях писателя. С этой логикой вполне можно согласиться, однако она не всегда последовательно реализуется в работе. Мне кажется, что ее несколько нарушают сами названия параграфов и связанные с ними читательские ожидания. Так первый параграф - «О практическом христианстве Толстого» - включает названную проблему, но не только ее и т.д. Рассредоточенность публицистики и критики Лескова в разных параграфах, позволяет задать автору вопрос об ее общих особенностях, ибо статьи Лескова трудно

соотнести со сложившейся жанровой типологией критики: любая его работа уникальна по своему методу и структуре.

При чтении статей Лескова становится очевидно, что главный пафос его работ – это защита Толстого от разного рода обвинений, которые раздались в его адрес после выхода 12-го тома пятого издания собрания сочинений писателя (ст. «Лучший богомолец», « О куфельном мужике и пр.», др. работы). Учитывая важность публицистических высказываний Лескова о Толстом, очевидно, имело смысл более развернуто сказать о роли Лескова в развернувшейся полемике вокруг позднего творчества Толстого и сути его возражений К.Н. Леонтьеву, А.М. Скабичевскому, Н.К. Михайловскому, др., хотя я понимаю, что объем диссертации не безграничен. В целом же обращение А.А. Федотовой к статьям Лескова следует признать чрезвычайно важным для понимания отношения писателя к личности, учению, творчеству Толстого. Руководствуясь избранным ею методологическим подходом, А.А. Федотова соотносит публицистику Лескова с его художественными произведениями, устанавливая их внутренние связи между собой и с текстами Толстого. Их выбор абсолютно точно продиктован логикой авторской мысли и задачей диссертации: выявить в художественных произведениях Лескова рецепцию конкретных идей, высказываний, образов и мотивов Толстого. А.А. Федотова показывает влияние Толстого на лесковские переложения «проложных» житий, изображение праведников, следующих толстовскому учению, - в «Полуночниках» и «Юдоли»; усвоение Лесковым определенных стилистических особенностей Толстого и др.

Некоторое сомнение у меня вызывает акцентированная в этой главе идея полемики Лескова с Толстым. Если это было абсолютно справедливо по отношению к Герцену, то Толстой являлся для Лескова безусловным авторитетом. А.А. Федотова считает, что «критические» суждения в адрес Толстого исчезают у Лескова после их личной встречи в 1887 году. Но ведь и в статьях 1886 года Лесков во многом совпадает с Толстым и защищает его от серьезных обвинений критиков-публицистов. Кроме того, в письмах Лескова и до этого момента звучало глубочайшее уважение к Толстому.

Полемика с Толстым, как показывает А.А. Федотова, ведется Лесковым по самым важным религиозно-философским вопросам: «практического христианства», толстовской концепции непротивления злу насилием, нравственного совершенствования и др. Масштабность рассматриваемых А.А. Федотовой положений и идей оставляет возможность определенных уточнений и прояснения отдельных вопросов. Так, один из предметов расхождения писателей она видит в том, что Толстой апеллирует, прежде всего, к разуму, Лесков - к сердцу. Не является ли это противопоставление излишне категоричным?

В чем конкретно оно выражается? И не противоречит ли такое объяснение устойчивому пониманию русской культуры как культуры «сердечной», в отличие от рационально организованной западной? Нет необходимости в этой аудитории говорить о том, что Толстой был одним из тех русских писателей, кто особенно глубоко выразил ментальность русского народа и константы русской культуры.

Эти соображения не ставят под сомнение само присутствие полемического аспекта в рецепции Лесковым толстовского текста, но позволяют вернуться к вопросу его роли в текстах Лескова, а также рассмотреть возможность истолкования лесковской полемики с Толстым не только как прямого несогласия, но как собственного видения близкой им обоим проблемы. Так, например, А.А. Федотова рассматривает рецепцию толстовских взглядов на эмансипацию женщины в рассказе Лескова «По поводу «Крейцеровой сонаты», отмечая близость сюжетов произведений, организацию повествования, влияние Толстого на стилевую манеру Лескова. С другой стороны, она показывает отличия в структуре нарратива у Лескова и главное - полемику его с Толстым о характере решения семейного вопроса: «Если Толстой акцентирует в своей повести проблему распада семьи, то Лесков пытается показать возможности ее сохранения». Думаю, что используемое Лесковым уточнение: «По поводу...» - позволяет писателю быть абсолютно самостоятельным в выборе сюжета, героев, концепции, хотя внутренняя связь с толстовским произведением, разумеется, сохраняется. Тема измены мужу у Лескова получает иную интерпретацию, чем у Толстого: не полемическую, а просто иную. Здесь предельно редуцируется мотив плотской любви, и на первом плане оказываются внутренние страдания женщины, изменившей мужу. У Лескова иная героиня – образованный человек, почитательница Достоевского, наделенная рефлексией, повышенной требовательностью к себе. Внутренний облик ее мужа, в чем-то напоминающего Каренина, не вызывает никакого авторского сочувствия; а трагический финал судьбы героини явно делает именно ее «положительным» лицом этого рассказа. Поэтому вряд ли Лесков пытается показать возможность сохранения семьи, по крайней мере, такой, какая изображена в рассказе «По поводу «Крейцеровой сонаты». И здесь он, скорее, солидарен с Толстым, чем полемизирует с ним. Эпиграф из Толстого тоже свидетельствует об этом, хотя у Лескова своя логика в доказательстве той же мысли – о нравственном превосходстве женщины. Однако, говоря о своем понимании этого произведения, я вполне признаю право автора диссертации на собственное видение текста.

В параграфе, посвященном полемике Лескова с Толстым в повести «Юдоль», смысловой доминантой является, как следует из диссертации, важная для обоих писателей проблема простого человека, вопрос о роли русского крестьянина в «устройстве» русской

жизни. Логично, что данный раздел диссертации начинается с анализа статьи Лескова «О куфельном мужике и проч.», посвященной повести Толстого «Смерть Ивана Ильича», где, как пишет Лесков, «Граф Л. Н. Толстой ... ответил на вопрос: чему может научить куфельный мужик, — и ответил превосходно».

А.А. Федотова показывает сложные взаимоотношения, в которые вступает повесть Лескова с толстовскими текстами. Речь вновь идет не только о прямых отсылках к Толстому (письма, трактат «Так что же нам делать?», статья «О голоде»), но самой жизненной практике писателя, его поведению во время периода голода начала 1890-х годов. Автор диссертации постоянно соотносит «документы» и факты, показывая их не прямое соотношение, иногда внешнее несовпадение друг с другом. В итоге она приходит к справедливому выводу о том, что Лесков соглашается с главными нравственно-религиозными идеями Толстого, создавая образы своих «праведниц» - тети Полли и квакерши Гильдегарды Васильевны, но полемизирует с его представлением о патриархальности русского крестьянства, сохраняющего религиозную нравственность христианства. В повести «Юдоль» это, несомненно, так, однако вывод автора диссертации о более реалистичном, лишенном идеализации изображении простого человека Лесковым вряд ли можно рассматривать как вывод обобщающего характера. Не случайно в статье «О куфельном мужике...» Лесков как раз говорит о превосходстве в нравственном отношении простого человека перед дворянской интеллигенцией.

Особое место при исследовании рецептивных стратегий Лескова в диссертации занимает последняя, пятая глава, посвященная повести «Заячий ремиз». Здесь возникает целый ряд текстов названных в качестве источников: зарубежной литературы (роман Л. Стерна, Овидий), русских авторов («История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Записки сумасшедшего» и «Ревизор» Н.В. Гоголя, философия Г. Сковороды, наконец, учение Л. Толстого, прежде всего, трактат «Так что же нам делать?»). А.А. Федотова обращается к ним, рассматривает способы и приемы использования Лесковым различных претекстов (аллюзии, цитаты, др.). Высоко оценивая полноту исследования источников повести «Заячий ремиз», хотела бы все-таки уточнить: есть ли в здесь прямые или косвенные отсылки к фольклорным и мифологическим текстам о зайце и жар-птице? Сразу же задам вопрос, который имеют отношение уже ко всем главам диссертации: какой из видов «чужого слова» чаще всего использует Лесков (цитату, аллюзию, реминисценцию, пр.) и почему?

Заключение диссертации не только подводит итоги проведенного исследования, но представляет собой концептуальный анализ масштабной историко-литературной, теоре-

тической и методологической проблемы; а также историко-литературное обобщение результатов исследования творчества Лескова. Автореферат и опубликованные работы все-сторонне и точно передают основные положения и выводы диссертации. Все сказанное позволяет утверждать, что диссертация А.А. Федотовой «Рецептивные стратегии в поэзии Н.С. Лескова» является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям п.9, п.10, п. 11, п.12, п.13, п.14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 34 сентября 2013 г., № 842), а ее автор – Федотова Анна Александровна - заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Володина Наталья Владимировна

доктор филологических наук
(10.01.01 – Русская литература), профессор кафедры
отечественной филологии и прикладных
коммуникаций Череповецкого государственного
университета.

Подпись *Володина Н.В.*
завершено
Начальник УП *Куркина*

20.10.2018

Место постоянной работы:

Череповецкий государственный университет, кафедра отечественной филологии и прикладных коммуникаций.

Почтовый адрес места работы:

162600 Советский пр. д.8, Гуманитарный институт,

телефон

55 93 76

Электронная почта служебная: rusfilolog@chsu.ru

Эл. почта личная: natalivolodina@mail.ru